

И. БУХАРИН

Т 19
405

ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ

★

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

14

Н. БУХАРИН

801-88 905
2190-7

T $\frac{19}{405}$

ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ

3 859

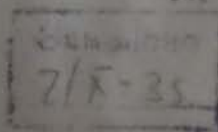

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

СК

XXVII - 5626

Секция № 77418. Газ № 18978. (1—5 к.) Тираж 10.000 экз.
Генер. Печать «Красный Пролетарий». Москва, Паженовская ул., 16.

За сутолокой больших и малых дел, которые до краев наполняют дни, — а иногда и ночи, — не успеваешь следить за другими „фронтами“, расположенными несколькими этажами повыше „политики цен“, местного бюджета, китайской гражданской войны, английских происков, сырьевой проблемы и тому подобных вещей, которыми „наш брат-мастеровой“ (мастеровой революции) занимается так сказать „по долгу службы“. Но иногда приходится запускать глаз и в эти области. И — нужно признаться — не всегда находишь там, „наверху“, жемчужные зерна.

В последней книжке „Красной Нови“ я наткнулся на стихотворение „Российское“ П. Дружинина.

О, Русь чудесная! Жива ты,
Как живы русские блины.
Твои соломенные хаты
Овсяной тайною полны!

Никому, конечно, невозбранно и в прозе и в стихах возвеличивать в патриотическом азарте „русские блины“ (тем более, что этим ремеслом занимаются все „русские“ трактирщики в европейских городах), а равно воспевать мистические тайны, сработанные „Неведомым Богом“ из овса (матерьял как раз подходящий для определенного сорта потребителей „тайн“). Ведь еще Щедрин отмечал: кому нравится конституция, а кому — севрюжина с хреном. От этой, как теперь выражаются, „установки“ зависит и восприятие „России“: кому она представляется через призму советской конституции, а кому — через призму блинов. Это дело вкуса, темперамента, мозгов, наконец, — чорт возьми! — желудков. Так что блины, так блины. Но вот что я прочитал не без изумления дальше:

Своя земля, как кладень древний,
Над ней кочует свет и мрак.
И в каждой хате есть царица,
И в каждой улице дурак.
На них цветные сарафаны,
И заливчатские штаны...
На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!

И я люблю тебя такую
С тоской и горечью полей
И не отдам твою тоску я
За всех заморских журавлей.

Правда, с автором можно согласиться только насчет изобилия дураков, но отнюдь не насчет цариц, которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненужностью свой век, да и потеряли популярность в народе. Правда, катастрофически быстрый переход от „блинов“ к „штанам“ плохо „мотивирован“. Правда, вышеупомянутые „сарафаны“ и „залихватские штаны“ в сочетании со словами „о любви к отечеству и народной гордости“ весьма напоминают гейневских Крапулинского и Вашляпского („Ты горюешь по отчизне из-за шапки и халата!“). Правда, последняя строфа „формально“ является переложением детского стихотворения:

Однажды немец, тав куя,
Сказал жене своей тоскуя:
„Задам рабочим таску я
И разгону свою тоску я“.

Правда, наконец, что по-русски нельзя сказать: „в каждой улице дурак“, и что это

не мешало бы знать автору „Российского“. Но все это сущие пустяки по сравнению с лозунгом, непосредственно „базирующемся“ на „сарафанах“ и „штанах“ —

На кой же чорт иные страны,
Кромя советской стороны!

Это уж не только „национальная ограниченность“. Это просто-напросто шовинистическое свинство. В „старое, доброе время“ выдающуюся роль в деле кристаллизации российской националистической идеологии играл, как известно, квас. Отсюда — „квасной патриотизм“, выражение, которое считалось бранным в устах всякого мало-мальски прогрессивного человека. Теперь, на десятом году диктатуры пролетариата, как видим, место кваса с успехом заняли блины. Воистину, „коль славен наш господь в Сионе!“.

Могут сказать о некоторой дозе иронии у идеолога блинов, штанов, царевен и дураков. Слушаем-с! Но ирония-то эта — ирония юродствующих. Это юродство входит как составная часть в совокупную идеологию новейшего национализма „à la moujik russe“:

„мы-ста по-мужицки, по-дурацки“ и т. д. и т. п. Эта „древляя“ юродствующая идеология для конспирации напяливает на себя „советский“ кафтан. Но одно только словосочетание: „кромя советской стороны“ выдает сразу всю свою фальшь, натасканность, неискренность, внутреннюю противоречивость.

На кой же чорт иные страны!

Нельзя ли поосторожнее, господа неумеренные потребители блинов?..

Вышеприведенные лирические „изъяснения“, несмотря на свое, так сказать, интимно-физиологическое содержание, имеют крупное общественное значение: это, повторяем, целая идеология. С легкой руки Сергея Есенина, этой „последней моды“ дня, у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых „истинно-русских“ блинов. Между тем, есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания, явление нашего литературного дня. Есенин талантлив? Конечно, да. Какой же может быть спор? Но талантлив был и Барков, этот прямой

предшественник пушкинского стиха. Талантлив в высокой степени „академик“ И. Бунин. Даже Мережковскому нельзя отказать в этом свойстве. Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из „кобелей“, икон, „сисястых баб“, „жарких свечей“, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и „трагической“ пьяной икоты; религии и хулиганства, „любви“ к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на „широкий размах“ (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до „принципиальной“ высоты, и т. д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина.

Говорят нам: крестьянский поэт переходной эпохи, трагически погибший из-за своей непригодности. Не совсем так, милые друзья! Крестьяне бывают разные. Есенин-

ская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в „ухаря-купца“; в лаковых сапожках, с шелковым шнурочком на вышитой рубаше, „ухарь“ припадает сегодня к ножке „Государыни“, завтра лижет икону, послезавтра мажет нос горчицей половому в трактире, а потом „душевно“ сокрушается, плачет, готов обнять кобеля и внести вклад в Троицко-Сергиевскую Лавру „на помин души“. Он даже может повеситься на чердаке от внутренней душевной пустоты. „Милая“, „знакомая“, „истинно-русская“ картина!

Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого „национального характера“: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще. Выбившийся в люди, в „ухари-купцы“ мужичок нередко ломает себе шею, доводя „до логического конца“ „широту“ своей „натуры“ (известное „моему ндраву не препятствуй“), „широту“, которая есть по сути дела внутренняя расхлябанность и некультурность. На более высоком фоне общественного разви-

тия она и обнаруживает себя как таковая. Противоречие между высокой самооценкой и поистине жалкими „рефлексами“ таких „ужасно широких“ личностей может привести к трагическому личному концу. Но нас здесь интересует общественная сторона дела, и только она.

Литература вообще, и поэзия — в частности, имеют поистине огромное воспитательное значение. Это „общее место“. Поэзия образует характеры. В истории нашей литературы, которая не могла не быть, в лучшем случае, радикально-мещанской, есть целые Монбланы опоэтизированного распущенства „братьев-писателей“, не без кокетства „пьющих горькую“, разумеется, за „благо народа“. Если и в прежние времена это кокетничанье своей собственной интеллигентской слюнявостью, бессилием, безволием, жалкой дряблостью — было отвратительно, то оно становится прямо нестерпимым в наше время, когда нужны совсем другие характеры, энергичные и волевые, а не труха, которую давно пора свалить в мусорный ящик.

Эту жалкую традицию литературных

слюнтяев „мощно“ подпирает есенинщина, „поднимая“ опоэтизирование безволия до высоты опоэтизированного хулиганства гуляющих „истинно-русских“ „ухарей“. Это есть стержень есенинщины, а не „советские“ устремления, которые оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни.

Стыдно было читать дряблую и покойницкую „литературу“, посвященную памяти погибшего поэта. Она вся почти шла по той дорожке. „Братья-писатели“, икая, приставали к покойному Есенину:

— Дай, Сережа, ангел мой, я тебя поцелую.

И плакали — тоже не совсем трезвыми — слезами...

Я знаю, что поклонницы Есенина (поклонницы обоего пола) будут очень возмущены злостью этих строк. Но по есенинщине нужно дать хорошенький залп. Нужно, чтобы люди немножко опомнились и осмотрелись по сторонам. Это бывает иногда очень и очень полезно.

Еще во время войны Ленин писал:

„Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое рабство перед попами, царями, помещиками и капиталистами.

Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое... Никто не повинен в том, если он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство... такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам“¹⁾.

Так ставил Ленин вопрос „о национальной гордости великороссов“. С тех пор прошло уже много времени, и „великорусская нация“ дала в лице своего рабочего класса несравненные образцы героизма, революционной страсти, великой творческой энергии. Всем этим мы, великороссы, можем и должны гордиться. Но вот что интересно: у нас в литературе уже поднялась, как на дрожжах,

¹⁾ Ленин: „О национальной гордости великороссов“. Собр. соч., том XIII, изд. 1924 г., стр. 27.

другая „гордость великороссов“, которая воспекает именно наше рабское прошлое. Ибо где в настоящем у нас это „рабское прошлое“?

Оно — в темноте.

Оно — в мордобос.

Оно — в пьянстве, в „морё синем, Хвалыньском“ водки и слез, как прекрасно (не по-есенински) говорил старичок-крестьянин на московской конференции.

Оно — в матершине.

Оно — в дряблости, неуважении к труду, в хулиганстве.

Оно — в „ладонках“ и „иконках“, „свечечках“ и „лампадках“.

Оно — в остатках шовинизма („на кой же чорт иные страны“¹⁾).

Оно — в свинском обращении с женщиной.

Оно — во внутренней разнузданности, в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы.

И все это наше рабское историческое прошлое, еще живущее в нас, воспевается, возвеличивается, ставится на пьедестал лихой и в то же время пьяно рыдающей поэ-

зией Есенина и его многочисленных подражателей и подражательниц.

По этой линии идет воспевание „русского начала“ в новой поэзии. А на самых высотах идеологии расцветает возврат к Тютчеву и другим. Еще бы!

Умом Россию не объять,
Аршином общим не измерить.

Правда, теперь применяют больше вместо аршина метр. Точно так же идеологи буржуазной „национальной гордости“ еще не указали другого органа понимания, кроме мозга („ума“). Но все же они долбят камень нашей советской общественности изо дня в день, „национализируя“ на свой салтык нашу литературу. А некоторые простачки им подсвистывают, им подпевают, не разобрав как следует, что к чему.

„На кой же чорт иные страны!“ — вот один уровень „национальной гордости“ мещанина. „Умом Россию не понять“ — вот вам другой уровень, поквалифицированное. Некий разговорец насчет „жидов“ и „инородцев“ — вот еще форма воспитания мещанских чувств. Так помаленечку просовывает

свои идеологические пальцы новая российская буржуазия, сознают то или нет проводники ее влияния на пролетариат, в особенности на пролетарскую молодежь.

Нельзя отрицать, что есенищина имеет огромный успех, становясь таким образом вредной общественной силой. Несомненно, что она заражает и широкие круги нашей комсомольской молодежи. В чем же здесь дело?

Конечно, в первую очередь, в том, что у нашей молодежи налицо в значительной мере мещанское отсутствие культуры труда, которое некоторыми идеологически вихрастыми „парнями“ считается, по российской глупости, чуть ли не за добродетель, да притом еще коммунистическую.

Но не только в этом дело.

А дело еще в том, что мы сами далеко не достаточно понимаем стоящие перед нами идеологические задачи. Позвольте мне, читатель, покусаться и на другом фронте.

Мы подаем удивительно однообразную идеологическую пищу. Не в том смысле я говорю, что она, эта пища, наварена по одному коммунистическому рецепту. Это по-

следнее очень хорошо, и, вообще говоря, чем больше такое единство, тем лучше. Но дело в том, что у нас позабывается и здесь об интересах потребителя: потребитель получает частенько штампованные параграфы и циркуляры, написанные с таким скучнейшим однообразием, что от них непривычного человека начинает прямо тошнить.

Говорили раньше, будто, если зайцу хорошо нажимать на хвост, то он спички зажигать будет. Теперь вносят поправку и утверждают, что при соответствующем обращении с этим заячьим хвостом его владелец может научиться подбирать цитаты. Но, пожалуй, даже заяц взбунтуется, если все время, и днем, и ночью, его будут кормить одним и тем же идейным материалом.

Коммунистическая идеология имеет гораздо больший охват, чем один вопрос о снижении цен, как ни важен этот последний вопрос. А коммунисты и рабочие вообще — это не ходячие абстракции: они живые люди, с плотью и кровью. Ничто человеческое им не чуждо. Они страдают, радуются, сражаются, любят, живут, умирают. Каждый из них есть и личность, а не стати-

стическая средняя на двух ногах, не индекс, не параграф и не абзац резолюции по текущему моменту.

Жизнь переходной эпохи так богата и так невероятно сложна, она так туго набита противоречиями и конфликтами, общественными, бытовыми, личными, что здесь есть место и для драм, и для трагедий, и для комедий, и для лирики, и для развертывания широчайших интересов общего мировоззрения, науки, философии — всего, что получило ярлычок „духовной культуры“ человечества.

А у нас — нужно сознаться в этом — и здесь есть „ножницы“ между запросами массы и качеством продукции.

Чем захватывает молодежь Есенин? Почему среди нашей молодежи есть кружки „есенинских вдов“? Почему у комсомольца частенько под „Спутником Коммуниста“ лежит книжечка стихов Есенина? Потому, что мы и наши идеологи не трогали тех струн молодежи, которые тронул — хотя бы в форме вредоносной по существу — Сергей Есенин.

Здесь напрашивается сам собой большой вывод. Нельзя нашу молодежь кормить в ло-

шадиных дозах одним и тем же. Больше разнообразных вопросов! Больше внимания к живым людям, с особой психологией! Больше внимания к жизни со всей ее многоцветностью, многогранностью, причудливой сложностью. Поменьше не совсем доброкачественного штампованного матерьяла, этого плода бюрократического идейного творчества!

И здесь — несколько слов по адресу наших пролетарских поэтов. „Уж сколько раз твердили миру“, что наша „поэтическая смеяна“ занимается не тем, чем нужно. Все поэты превратились в критиков, организаторов, политиков за счет изучения жизни, за счет работы над собой, за счет связи с массой, живым поэтическим голосом которой они должны быть. А когда под напором жизни они пробуют „петь“, вдруг оказывается, например, что их лиризм (и даже самых „непримиримых“), есть пенье с чужого голоса! Слезы — допустимы. Но зачем же обязательно с пьяной икотой? Печаль — тоже. Но зачем же гнилое „Ваши пальцы пахнут ладаном“ à la Вертинский в кабаре? С этим гнильем надо кончать. И чем ско-

рее, тем лучше. Нам не нужно ходячих икон, хотя бы и распролетарского типа, которые обязательно должны целовать машины или разводить разужасный „урбанизм“, для которого нет базы (ибо в Москве у нас поют еще петухи) и для которого не будет базы (ибо мы за соединение „города“ с „деревней“). Нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни идущих, храбрых строителей, знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству, кабацким слезам, разгильдяйству, кичливости и юродству. Величайшими людьми буржуазии были не люди вроде гениального пьяницы (Верлена), а такие гиганты, как Гете, Гегель, Бетховен, которые умели работать, как никто. Величайшие гении пролетариата — Маркс, Энгельс, Ленин были величайшими тружениками, с огромной трудовой культурой. Блаженненькие „нищие духом“, Христа ради юродивые, кафешантанные „гении“ на полчаса — подальше от них! Поближе к замечательной жизни, которая распускается на земле, поближе к массам, перестраивающим мир!